

²⁶ См.: Ковалев В.А., Чадаев С.Г. Органы расследования и судебная система Великобритании. М., 1985. С. 10.

²⁷ Ferguson С. Указ. соч.

²⁸ Legal Guidance of The Crown Prosecution Service. Private Prosecutions. URL: http://www.cps.gov.uk/legal/p_to_r/private_prosecutions/.

²⁹ Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. М., 1996. С. 98.

³⁰ См.: Романов А.К. Правовая система Англии: учеб. пособие. М., 2002. С. 239.

³¹ Ferguson С. Указ. соч.

³² См.: White R. The administration of justice. Oxford, 1985. С. 65.

³³ См.: Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 148–149.

³⁴ The Right Honourable Lord Justice Auld. Review of the Criminal Courts of England and Wales / September 2001. URL: <http://www.criminal-courts-review.org.uk/ccr-00.htm>.

³⁵ См.: Головки Л.В. Современная практика освобождения от уголовного преследования в Шотландии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1998. № 2. С. 76.

³⁶ Шейфер С.А., Петрова Н.Е. Проблемы реформирования производства по делам частного обвинения в духе расширения частных начал в уголовном процессе РФ // Государство и право. 1999. № 6. С. 56.

Д.В. Купцов*

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Часть 1 статьи 48 Конституции РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Суть данной нормы состоит в том, что право на получение квалифицированной юридической помощи при условии его реализации дает подозреваемому, обвиняемому или подсудимому гарантию того, что он не останется беззащитным перед лицом правоохранительных органов и суда.

Однако одной из основных проблем, возникающих в сфере осуществления защитником своих обязанностей, является то, что

---

* © Купцов Д.В., 2012

Купцов Дмитрий Викторович – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

действующее уголовно-процессуальное законодательство недостаточно четко регламентирует качественное, «квалифицированное» оказание юридической помощи.

Пожалуй, самой актуальной и широко обсуждаемой проблемой, с которой сталкиваются сами защитники при осуществлении своей деятельности, является сбор и предоставление доказательств, каким-либо образом улучшающих положение их подзащитного. Следует выяснить, **имеет ли право защитник самостоятельно осуществлять сбор доказательств?**

В ч. 3 ст. 86 УПК РФ записано: «Защитник вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов...». Поскольку в тексте этой статьи прямо говорится о сборе доказательств защитником, то из одного этого можно сделать вывод, что защитник действительно приобрел новые правомочия в основной части доказывания — сборе доказательств.

Однако такой вывод будет поспешным, так как провозгласить право и гарантировать его реализацию — далеко не одно и то же¹.

Так, ч. 2 ст. 74 УПК РФ гласит, что в качестве доказательств допускаются показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта (специалиста); вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

Как видно, формулировка четкая и однозначная — только указанные формы закрепления и сохранения процессуальной информации являются доказательствами по уголовному делу. Среди них нет ни результатов опросов лиц, ни истребованных справок и характеристик, «собранных» адвокатом-защитником на основании ст. 86 УПК РФ. Есть показания лиц, которые, как известно, появляются в деле только посредством допросов, очных ставок, предъявлений для опознания, проверок показаний на месте, *т. е. следственных действий*, исключительное право на проведение которых имеют лишь специально уполномоченные органы государства — органы уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ). Есть вещественные доказательства, которыми признаются предметы только в том случае, если они исследовались следователем и приобщены к делу его специальным постановлением (ст. 81 УПК РФ). Есть также и «иные документы», которые приобщаются к делу опять же решением следователя (ст. 84 УПК РФ). Налицо противоречие ч. 3 ст. 86 сразу нескольким нормам УПК.

Словосочетание «защитник — субъект доказывания» довольно широко обсуждается в юридической доктрине. Знак равенства между этими двумя понятиями ставит профессор В.А. Лазарева, утверждающая, что «...отрицание права защитника собирать, а, следовательно, и представлять доказательства является свидетельством непринятия новой парадигмы в качестве фундаментального объяснения действительности. По сути, оспаривается закрепленная законом часть правового статуса подозреваемого, обвиняемого, защитника (ст. 46, 47, 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ), без которой не может быть в полной мере реализовано право обвиняемого на защиту, нарушается общий баланс прав обвинения и защиты в сторону обвинения. Процесс, в котором стороны не обладают равными правами, в котором обвинитель имеет явные преимущества, не может считаться состязательным, а суд не может быть признан ни объективным, ни независимым»². Автор отмечает, что «обсуждаемая проблема может показаться не имеющей практического значения. Однако это не так. Если защитник собирает и представляет доказательства, то обязанность следователя и суда — их принять и приобщить к делу. Если защитник представляет лишь сведения, следователь или суд вправе не принять эти сведения, оценив их как не имеющие значения для дела или вызывающие сомнения в своей достоверности. Поэтому непринципиальный, с точки зрения здравомыслящего человека, этот вопрос в некоторых условиях может приобрести значение весьма принципиального»³. Таким образом, В.А. Лазарева приходит к выводу, что «концепция, исключающая возможность участия стороны защиты в создании доказательственной базы и отрицающая доказательственное значение представленных ею сведений, вступает в непреодолимое противоречие с принципом состязательности»⁴.

Прямо противоположной позиции придерживается профессор С.А. Шейфер, который утверждает, что «...доказательственную деятельность защитника, осуществляемую им в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ, нельзя трактовать как собирание доказательств, и прежде всего потому, что в ней отсутствует определяющий признак этого элемента доказывания — преобразование полученной информации и придание ей надлежащей процессуальной формы, т.е. формирование доказательств. Будучи лишенным возможности применения наиболее эффективных познавательных средств — следственных действий, защитник не в состоянии формировать доказательства, как это делают органы расследования, прокурор и суд»⁵.

Проследим реальное развитие ситуации на примере. Защитник, осуществляющий защиту лица, обвиняемого в совершении преступления, получил объяснение от коллеги по работе своего подзащитного, располагающего важными сведениями, и поскольку он не вправе закрепить показания лица путем его допроса, то максимум, что он может, — это ходатайствовать перед следователем о допросе данного лица в качестве свидетеля.

Большинство проанкетированных нами адвокатов (87 %) довольно широко практикуют заявление подобных ходатайств на стадии предварительного расследования, в том числе с последующим личным присутствием при производстве допроса (иного следственного действия). По их мнению, это повышает вероятность того, что уголовное дело будет прекращено. Кроме того, процент удовлетворения таких ходатайств следователями (дознавателями) также находится на довольно высоком уровне, что свидетельствует о заинтересованности органов предварительного расследования во всестороннем и объективном расследовании дела. В свою очередь 13 % опрошенных предпочитают не доводить полученную информацию до сведения органов предварительного расследования и заявляют соответствующие ходатайства чаще на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Помимо этого, дав письменные объяснения защитнику, а затем, оказавшись лицом к лицу со следователем, под угрозой уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний допрашиваемое лицо может сообщить в показаниях совершенно иную информацию, не соответствующую данной им ранее защитнику⁶.

Итак, сведения, полученные в ходе опроса лица защитником, станут доказательством по делу лишь в том случае, если следователь путем производства следственных действий (например, допроса) получит от этого лица показания. Точно так же обстоит дело с другими процессуальными возможностями защитника по собиранию доказательств, предусмотренными в ст. 86 УПК РФ.

Таким образом, следует признать, что в досудебном производстве УПК РФ, объявив о праве защитника собирать доказательства, в действительности это право не обеспечил. Норма УПК РФ, регламентирующая данное полномочие защитника, фактически является неработающей нормой. Субъектом же собирания доказательств остаются органы уголовного преследования, а защитник вправе лишь представлять им сведения, которые впоследствии могут стать доказательствами. При этом следует помнить, что материалы, полученные защитником в процессе осуществления своей про-

цессуальной функции, становятся доказательствами лишь после того, как они будут процессуально закреплены следователем, т. е. осмотрены и приобщены к делу.

Итак, исходя из вышесказанного, пути урегулирования данной проблемы могут представлять следующие варианты:

1. Наделить защитника широким кругом полномочий, позволяющим ему проводить свое собственное, параллельное адвокатское расследование, не зависящее от органов предварительного расследования. Следовательно, все материалы, собранные защитником в ходе данного расследования, станут известны лишь в ходе судебного разбирательства.

2. Сохранить за защитником право собирать сведения (а не доказательства) в пользу своего подзащитного и представлять их органам предварительного расследования для принятия решения об их приобщении.

Наиболее целесообразным представляется второй вариант, поскольку наделение адвоката полномочиями проводить собственное расследование, в условиях современного уголовного судопроизводства смешанного типа, повлечет за собой изменение всей уголовно-процессуальной системы, что само по себе породит немало законодательных и правоприменительных трудностей. Кроме того, как мы знаем, бремя доказывания лежит на органах уголовного преследования и каждый обвиняемый, согласно принципу презумпции невиновности, считается невиновным, пока его вина не будет доказана вступившим в законную силу приговором суда. Наделяя защитника обязанностью проведения собственного расследования, мы тем самым законодательно закрепляем его обязанность доказывать невиновность лица еще на первоначальных стадиях расследования, что, по своей сути, противоречит принципу презумпции невиновности.

Сказанное, однако, не означает, что действующее уголовно-процессуальное законодательство касательно роли защитника в процессе собирания доказательств в полной мере обеспечило реализацию принципа состязательности (наделение сторон равными процессуальными возможностями) и не нуждается в корректировке. В этой связи наиболее целесообразной, как справедливо отмечает профессор С.А. Шейфер, представляется возможность расширения прав защиты в собирании доказательств путем установления обязанности органов расследования удовлетворять любое ходатайство о пополнении доказательственной базы путем проведения органом расследования необходимых защите следственных

действий⁷. Действующее же уголовно-процессуальное законодательство в части 2 статьи 159 УПК РФ устанавливает, что ходатайство защитника о проведении дополнительных следственных действий подлежит удовлетворению лишь в случаях, «если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для уголовного дела», что, на наш взгляд, не в полной мере соответствует состязательным началам уголовного судопроизводства.

Примечания

¹ Давлетов А. Право защитника собирать доказательства // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 50.

² Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 303.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. С. 78.

⁶ См.: Мельников И.И. Актуальные вопросы сбора доказательств защитником по делам о преступлениях против военной службы // Российская газета. 2004. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Шейфер С.А. Указ. соч. С. 81.

Р.В. Корсун*

О ПРЕДМЕТЕ ПОЗНАНИЯ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В теории уголовного процесса многие ученые полагают, что уголовно-процессуальное доказывание является особой разновидностью познания вообще¹, так как в основе познания человека окружающего мира лежат общие закономерности, присущие познавательной деятельности во всех областях теории и практики (в том числе и в уголовном процессе). Эти закономерности имеют единую методологическую основу – теорию познания (гносеологию) – раздел философии, изучающий природу познания и его возможности, отношение знания к реальности и т. д.² Такой взгляд

---

* © Корсун Р.В., 2012

Корсун Роман Викторович – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета